

ресурс] – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=485760#j8GheOTibN6nYZiH> (дата обращения: 17.04.2023).

УДК 94(47)+027.1
ББК 63.3(2)+78.347.95
Л22

Ландина Лариса Владимировна
Белорусский государственный университет
культуры и искусств

**КНИГИ ПО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ В
БИБЛИОТЕКЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ
ОДНОЙ ИЗ ДИСКУССИЙ ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ»)**

Аннотация. На основе библиографического анализа и привлечения архивных материалов автором освещается вопрос о том, что могли прочитать советские граждане в 1950-х – 1960-х гг. по истории дореволюционной России. При этом учитываются издания работ как дореволюционных историков, так и советских исследователей. Делается вывод о недостаточной в целом обеспеченности советского читателя литературой по исторической тематике.

Ключевые слова: эпоха «оттепели», советская историческая наука, проблематика исследований, библиотека, тематика изданий, история дореволюционной России.

Landina Larisa Vladimirovna
Belarusian State University of Culture and Arts

**BOOKS ON THE PRE-REVOLUTIONARY HISTORY OF RUSSIA IN THE
SOVIET PERSON'S LIBRARY (ON ONE OF THE THAW ERA
DISCUSSIONS)**

Abstract. On the basis of bibliographic analysis and archival materials, the author highlights what materials Soviet citizens could read in the 1950s - 1960s. on the pre-revolutionary Russia history. Publications of works by both pre-revolutionary historians and Soviet researchers are taken into account. The conclusion is that Soviet reader was insufficiently provided with literature on historical topics.

Keywords: «thaw» era, Soviet historical science, research issues, library, publications, history of pre-revolutionary Russia.

В истории Советского Союза примерно десятилетний период с середины 1950-х до середины 1960-х гг. получил название «оттепели» и «курса XX съезда». Некоторая демократизация общества, реабилитация жертв политических репрессий, либерализация в интеллектуальной сфере, разоблачение культа личности Сталина – все это не могло не оказать влияния на работу советских историков.

Исследовательница советской исторической науки Л. А. Сидорова отмечает такие знаковые черты периода «оттепели», как отказ от сталинского прочтения истории, переосмысление марксистского наследия и стремление советских историков к истине. При этом все интеллектуальные новации находились в очерченных границах [9, с. 3–4]. О пересмотре марксистской парадигмы речи не велось, но даже это, весьма относительное, смягчение идеологических рамок предоставило историкам известную интеллектуальную свободу и было в конечном итоге благотворным. На тот момент социологические построения (пусть и марксистские) отнюдь не утратили своей значимости в исторической науке. Более того, в западноевропейской историографии набирало силу направление социальной истории, в частности, во Франции приобрела популярность школа «Анналов». В советской исторической науке важнейшим исследовательским аргументом (разумеется, при общей идеологической выдержанности) стала информация источника. Историки не только включали в работу массивы документов, но и предпринимали многочисленные их издания [6, с. 458–460]. Вскоре, однако, обнаружилось расхождение между схемой и ее эмпирическим подтверждением. Это вызывало дискуссии, в частности, подготовила известную дискуссию об абсолютизме 1968–1972 гг. [6, с. 480–482, 489–490]. Наконец, знаковым явлением, доказывавшим наступление нового периода в развитии исторической науки СССР, стало возобновление международных контактов советских историков, которые после долгого перерыва (с 1933 г.) вновь стали принимать участие в зарубежных научных мероприятиях, начиная с Римского конгресса 1955 г. [3, с. 242]

Либерализация в науке воспринималась далеко не одинаково в среде советских историков, дискуссионность и эмоциональность их общения фиксируется в документах той эпохи. В частности, сохранилась информация, проливающая свет на реакцию членов научного сообщества на читательские предпочтения советских людей в области исторической литературы.

На заседании Ученого совета Института истории в 1963 г. среди обсуждения множества проблем – от озабоченности идеологическим состоянием в науке до оценки поведения коллег во время культа личности Сталина – выявилась еще одна, отражающая обеспокоенность читательскими предпочтениями советских людей в области исторической литературы. Доктор исторических наук, специалист по аграрной истории С. М.

Дубровский, уверенный в непререкаемости установок марксизма, сделал ряд замечаний. В частности, он высказался так: «...проявилось абстрагирование от конкретных фактов. Это выразилось в той идеализации отдельных представителей господствующего класса, о которых я только что говорил, абстрагирование от марксистско-ленинских установок в целом ряде вопросов, причем некоторые историки перешли на критику в этом направлении, а некоторые упорствуют. Какая-нибудь ссылка на то, что надо подходить по-марксистски и т.д. вызывает припадки истерии» [2, л. 62]. «То, что правильно, надо поддержать, а от того, что неправильно надо отказаться, – категорично заключал Дубровский. – Надо уничтожить обломки старых представлений, ошибочных теорий, чтобы никакого «сосуществования» не только с буржуазно-империалистической литературой не было, но и с буржуазно-помещичьей литературой, которая в международном масштабе и сейчас распространяется у нас» [2, л. 64].

В конце своего выступления Дубровский указал на тревожный, с его точки зрения, симптом, который, однако, был весьма красноречив: «Соловьев расходуется в 50 тысячах экземпляров. Он является ценным из-за обилия фактического материала. В этом отношении его работа представляет ценность, но когда работы нашего брата в количестве 1,5–2 тысячи не расходятся, то из этого приходится делать грустные выводы» [2, л. 64].

Это замечание Дубровского было поддержано его коллегами. Доктор исторических наук, специалист по древнерусской архитектуре Н. Н. Воронин высказался так: «Я был удивлен, оказывается, Соловьев идет в магазине гораздо лучше, чем наши книги. (С места: «Это факт!»). Я думаю, дело не в том, что читателю нравится эта буржуазная методологическая основа монументального труда Соловьева. (С. М. Дубровский: «Я видел людей, которым она нравится!») ... Я хочу сказать, что Соловьева читают и покупают потому, что он, помимо того, что был крупнейшим ученым, был еще большим художником. Его история живет, там даются люди, которые разговаривают, умирают, страдают, борются. А вот «Очерки по истории СССР» с золотым тиснением на корешке у меня стоят и почти не сходят с полки» [2, л. 72]. Это искреннее замечание Воронин завершил словами: «Мне хочется пожелать... следующее. В работах творческих и крупных история приобретает какие-то слишком общие, смазанные, социологические формы, как-то пропадает та живая конкретность, которая захватывает читателя и исследователя. В деле привлечения к нашим трудам широчайших читательских масс большое значение имеет опыт Ключевского и Соловьева, который надо взять, оставив их теоретические позиции... То, что я сегодня узнал, меня глубоко взволновало. Это, по-видимому, говорит о том, что мы пишем сухо, стандартно. Это чувствуется в ряде больших обобщающих трудов, которые стоят на полке и редко с нее сходят, потому что ни

конкретного материала не возьмешь, ни чего-то свежего в смысле мысли» [2, лл. 72–73, 6, с. 402–403].

Воронин был прав. В те годы «широчайшие читательские массы», действительно, могли прочитать о «людях, которые разговаривают, умирают, борются» либо в художественной литературе, либо в книгах дореволюционных историков. Официальное мнение о том, что историю творят народные массы, а великие люди – только выразители общественно-политических потребностей, приводило к тому, что персоналии в лучшем случае характеризовались несколькими строками. Тем более не принято было привлекать внимание к правителям России – эксплуататорам и угнетателям народа. Они выступали как проводники «феодально-крепостнической политики самодержавия», «диктатуры помещиков-крепостников» или мер «крепостнического самодержавия» [6, с. 404]. Из этого правила существовали два исключения – Иван Грозный и Петр Первый – правители России, уважаемые лично Сталиным, который видел в их деятельности параллели с политическими реалиями СССР. Грозный объединял страну, уничтожая враждебную ему аристократическую оппозицию, а Петр, модернизируя Россию, ввел ее в круг европейских держав.

Характеризуя ситуацию с чтением исторической литературы в послевоенном СССР, нужно сделать несколько замечаний. Во-первых, о читателях научной исторической литературы, которые как минимум должны были интересоваться соответствующими проблемами и понимать написанное. Данное обстоятельство автоматически предполагает наличие высшего образования, что в послевоенном СССР не коррелировалось с «широчайшими читательскими массами». Во-вторых, даже для образованного читателя в описываемое время сочинения Н. М. Карамзина не издавались, работы В. О. Ключевского были представлены в восьми томах 1956–1959 гг. издания [5], а труды С.М. Соловьева в 15 книгах выходили в 1959–1966 гг. [10] (именно об этом издании вели речь Дубровский и Воронин). Книги таких дореволюционных авторов, как В.А. Бильбасов, А.Г. Брикнер, А.А. Кизеветтер, А.А. Корнилов, С.С. Татищев, Н.К. Шильдер и других, с политическими портретами правителей России в подробном историческом контексте, в принципе не могли выходить по причине идеологического неприятия. Последнее было стабильным – речь шла об идеологии, основы которой были непоколебимы независимо от общей политической ситуации в стране. Например, еще в 1949 г., в разгар идеологических кампаний последних сталинских лет, академик С.В. Бахрушин, исследователь феодальной России, указывал: «Далее мы должны раз навсегда отказаться от объективистского аполитического подхода к историографии. Мало показать ошибки, допущенные досоветской историографией, надо вскрывать политический характер этих ошибок... Я лично придаю очень большое значение раскрытию

политической подоплеку и классовой базы учения Ключевского, потому что Ключевский вследствие яркости своего стиля до сих пор не утратил известного впечатления на молодежь» [1, лл. 88, 89].

Какими же изданиями советских историков мог образованный читатель СССР удовлетворить свой интерес к отечественной (преимущественно российской) истории? Воронин вел речь о фундаментальных «Очерках истории СССР» в 9 томах, изданных в 1953–1958 гг. [7], поистине этапном обобщающем нарративе советских историков, содержащем огромное количество материала по социально-экономической, политической и культурной истории. Тома большого формата и минимум 800 страниц объема, безусловно, содержали необходимую для работ историков-специалистов информацию. Однако читателя, пусть и весьма образованного, подавлял официальный дискурс, преимущественное рассмотрение социально-экономических процессов, структур экономики, классовой борьбы и т.д. при весьма скромных характеристиках персоналий. Исключение было сделано только для Петра Первого, охарактеризованного исследователем петровской эпохи Б. Б. Кафенгаузом во введении к соответствующему тому «Очерков истории СССР»: «Народ творит историю, и значение великих людей заключается в правильном учете тех условий, которые они застали, в правильном понимании, как изменить эти условия. Человек исключительных способностей, сильной воли и неиссякаемой энергии, Петр был великим русским государственным деятелем, выдающимся полководцем, дипломатом и законодателем. Он оставался, однако, представителем господствующего класса» [8, с.18].

Знаковой работой послевоенного периода стала «Киевская Русь» академика Б.Д. Грекова [4], первое издание которой вышло в 1949 г. Концепция Б.Д. Грекова выступает предметом отдельного рассмотрения. С позиций же интереса для чтения нужно отдать должное автору – стиль изложения, подача материала, образность, желание показать действующих лиц истории при недостатке источников выступают сильной стороной книги, делая ее интересной для восприятия и сегодня. Однако и здесь речь не идет о широком читателе – многочисленные историографические экскурсы и сравнения, научная полемика ценны для узкого специалиста, но мало интересны для более широкого читателя.

Наиболее же популярными для советского читателя, очевидно, были книги академика Е.В. Тарле, крупнейшего специалиста по всеобщей истории, который создал такие работы, освещающие внешнюю политику России, как «Северная война», «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год», «Крымская война» и т.д. Более того, значимым для образованного советского читателя было 12-томное издание сочинений Е. В. Тарле, осуществленное в 1957–1962

гг.[11], что, несомненно, в известной мере удовлетворяло читательский интерес к российской и отечественной истории.

Подводя итог, нужно отметить, что, несмотря на единичные примеры, в целом читательский интерес в отношении книг по дореволюционной истории удовлетворялся в очень малой степени. Это было системным явлением, включавшим и отсутствие качественного нарратива, интересного для широкого читателя, и идеологические установки и проблемное поле советской историографии, и общее состояние «книжного голода», характерное для книжного рынка СССР, при котором было проблематично обеспечить в полной мере огромное население СССР востребованной литературой при деятельности только государственных издательств.

Список литературы

1. АРАН (Архив Российской академии наук) – Ф. 1577. – Оп. 2. – Д. 207.
2. АРАН. – Ф. 1577. – Оп. 2. – Д. 506.
3. Вайнштейн, О.Л. История советской медиевистики. 1917-1966 / О.Л. Ванштейн. – Л.: Наука, 1968. – 422 с.
4. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков; отв. ред. Л. В. Черепнин. – М.: Госполитиздат, 1953. – 567 с.
5. Ключевский, В.О. Сочинения: в 8 томах / В.О. Ключевский. – М.: Госполитиздат, 1956-1959.
6. Ландина, Л.В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. / Л.В. Ландина. – М.: Энциклопедикс, 2020. – 816 с.
7. Очерки истории СССР: в 9 т. / под ред. Н. М. Дружинина; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: АН СССР, 1953–1958.
8. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. д-ра ист. наук Б.Б. Кафенгауза, канд. ист. наук Н.И. Павленко. – М.: Изд-во Акад. наук, 1954. – 814 с.
9. Сидорова, Л.А. Оттепель в советской исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия / Л.А. Сидорова. – М.: Памятники исторической мысли, 1997. – 288 с.
10. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен : в 9 томах, в 15 книгах / С.М. Соловьёв. – М.: Соцэкгиз, 1959-1966.
11. Тарле, Е.В. Сочинения : в 12 томах / Е.В. Тарле. – М.: АН СССР, 1957-1962.

УДК 930.22

ББК 78.01

М 42

**Лоскутова Диана Сергеевна
Медведева Ольга Владимировна**